

УДК 39+394.014

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-245-257

Мемориальные и обрядовые практики в городском пространстве Элисты

Алтана Марковна Лиджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Лиджиева А. М., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена траурным практикам. Ежегодно 28 декабря в г. Элисте проходит траурный митинг, на который собираются жители Элисты и районов республики, чтобы почтить память жертв депортации калмыцкого народа. *Цель* статьи — рассмотреть поминальную обрядовую практику, осуществляемую во время траурного митинга, через призму традиционных для культурной антропологии концепций. *Методы.* Исследование проводилось с использованием структурно-функционального метода и метода контент-анализа. Автор приходит к *выводу*, что современные мемориальные практики, связанные с поминовением жертв депортации калмыцкого народа, характеризуются использованием форм, восходящих к традиционным поминальным обрядам. Показано, как воспроизводится и осуществляется историческая политика в публичных локусах города.

Ключевые слова: калмыки, коммеморация, историческая память, репрессии, депортация, архитектура, город, пространство, обрядность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Лиджиева А. М. Мемориальные и обрядовые практики в городском пространстве Элисты // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 245–257. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-245-257

Memorial Ritual Practices in Urban Environment of Elista

*Altana M. Lidzhieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Lidzhieva A. M., 2021

Abstract. *Introduction.* The article examines local mourning practices. Every year on 28 December a mourning rally is held in Elista when residents of the city and rural districts gather to commemorate victims of the Kalmyk deportation. *Goals.* The paper aims to consider the memorial ritual practices observed during the mourning meeting through a prism of concepts typical for cultural anthropology. *Methods.* The research employs the structural and functional method, as well as that of content analysis. *Conclusions.* The work concludes that contemporary memorial practices associated with the commemoration of victims of the Kalmyk deportation are characterized by the use of forms that go back to traditional mourning rites. It is shown how the historical policy is reproduced and implemented in public loci of the city.

Keywords: Kalmyks, commemoration, historical memory, repression, deportation, architecture, city, space, rituals

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Lidzhieva A. M. Memorial and Ritual Practices in Urban Environment of Elista. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 245–257. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-245-257

Введение

Мемориальные комплексы и монументы как публичные места памяти¹ имеют большое значение для малых городов, особенно тех населенных пунктов, в которых внимание к теме памяти о депортации актуализируется через различные формы и практики меморизации, осуществляемые в городской среде. Для исследования городской среды можно применить теоретические подходы и методы, разработанные различными гуманитарными дисциплинами. В этой статье мы пользовались ключевым подходом микроурбанизма, предложенным группой авторов Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ИГИТИ НИУ ВШЭ) — О. Бредниковой, О. Запорожец и др. [Микроурбанизм 2014], которые определяют микроурбанизм как «близкий взгляд» на город с возможностью разглядеть его через мелочи и детали. Согласно авторам, с помощью деталей «раскрывается насыщенная повседневность города и привлекается внимание к его главным действующим лицам — обывателям, которые своими повседневными действиями, чувствами, настроением создают город, его значимые места и маршруты» [Микроурбанизм 2014: 5]. В рамках данной работы мы обратили внимание на современные мемориальные практики, привязанные к тем или иным объектам городского ландшафта, приобретающие наибольшую массовость и наиболее ярко демонстрирующие актуализацию темы меморации. Одним из таких мест меморации, существующим уже более четверти века в столице Республики Калмыкия — г. Элисте (в ее восточном районе), является уникальный по своей значимости монумент — памятник «Исход и возвращение», служащий местом поминовения жертв депортации калмыцкого народа. Отметим, что возведение мемориальных комплексов и монументов, посвященных жертвам репрессий, происходило в условиях комплекса постсоветских трансформаций и общих для постсоветской России и ее регионов процессов развития рыночной экономики, глобализации

¹ Согласно теоретической концепции «мест памяти» П. Нора [Нора 1999; Нора и др. 1999; Нора 2005].

и десекуляризации. «Статус президентской республики, — как замечает Э.-Б. М. Гучинова, — потребовал изменения имиджа. Новые вызовы времени требовали специфичных архитектурных решений. Для гостей столицы, для руководителей мультикультурного государства надо было продемонстрировать самобытность народа, которая непременно должна была быть отражена в образе города» [Гучинова 2013: 46–47]. Внимание к теме памяти о депортации также относилось к числу важнейших задач местной региональной политики, направленной на формирование общегражданской идентичности и сохранение исторической памяти. «В начале 1990-х годов тема депортации калмыков была остро актуальной, а сам народ виктимизировался; в последние годы эта тема преподносится в смягченной форме и ежегодно актуализируется 28 декабря. В этот день, являющийся в республике траурным и нерабочим, у мемориала „Исход и возвращение“ (скульптор Эрнст Неизвестный; 1996) проводится митинг, на котором выступают высшие чиновники республики» [Гучинова 2021: 120].

Возникновение мемориала

Идея создания мемориала «Исход и возвращение» была инициирована «сверху» — элитой Калмыкии в 1994 г. В результате конкурса проектов мемориала был избран проект архитектора С. Е. Курнеева.² Весьма важным, следуя логике подхода микроурбанизма, представляется тот факт, что перед калмыцким архитектором стала задача поиска места для будущего мемориала с естественным курганом. В этом вопросе большое значение имело наличие свободного участка в восточном жилом районе по ул. им. Н. С. Хрущева, где преобладает природная экозона степи³. «По словам С. Курнеева, он искал место в городе, отталкиваясь от желания скульптора: важно, чтобы оно было на естественном кургане в степи. Такой свободный участок, но без кургана, нашелся в восточном жилом массиве, на улице Н. С. Хрущева, чье имя значимо для калмыков, так как при нем народ был реабилитиро-

² С. Е. Курнеев — архитектор, генеральный директор Проектного института Калмыкии (ПИК).

³ По природным условиям Калмыкии.

ван» [Сангаджиева 2020: 309]. Особенность этого микрособытия, на наш взгляд, состоит в том, что при планировке и строительстве монумента учитывались «особенности культуры как способа структурирования пространства» [Зукин 2018]. Мемориал «Исход и возвращение» был открыт 28 декабря 1996 г. в Элисте⁴. В настоящее время мемориал служит местом ежегодного проведения траурного митинга⁵ с использованием форм, восходящих к традиционным поминальным обрядам.

Обрядность на мемориале

Для поминальных обрядовых действий, осуществляемых на мемориале «Исход и возвращение», характерны два эффекта.

Во-первых, это эффект пути (алгоритм следования), проявляющийся в шествии колонны людей к основанию мемориальной скульптуры по часовой стрелке. «От вагона с площади кургана, которая составляет 80 кв. метров, и далее — по узкой бетонной дорожке, поднимаясь по спирали, двигаясь по часовой стрелке вверх, продолжая ход к основанию скульптуры» [Сангаджиева 2020: 309]. Этот эффект подобен движению посолонь. При таком понимании, на наш взгляд, мы можем говорить об использовании в современной ритуальной практике формы традиционного похоронного обряда калмыков. Эта аналогия указывает на ту часть похоронной церемонии, где участники похорон обходят гроб по движению солнца⁶. «Присутствующие на похоронах, обходя гроб по движению

---

⁴ Анализ менее значимых аспектов в мемориальном комплексе, таких как стилистический анализ памятника, декоративных элементов — барельефы, балясина, ограда, лавочки, а также плитка и брусчатка, намеренно оставлены за рамками исследования.

⁵ 28 декабря на территории Калмыкии является нерабочим памятным днем — Днем памяти жертв депортации калмыцкого народа в соответствии с законом Республики Калмыкия № 153–III-3 от 13 октября 2004 г. «О праздничных и памятных днях в Республике Калмыкия» [Закон 2004].

⁶ Согласно космологическим мифам калмыков, культ солнца прослеживается во всех сферах культуры калмыков. Как пишет Э. П. Бакаева, «солнце является в представлениях калмыков началом всех начал, ориентация на солнечное светило, его движение пронизывает всю традиционную культуру калмыков. Сакральное пространство калмыцкой культуры ориентировано на определенное положение солнца» [Бакаева 2009: 64].

солнца, совершают жертвоприношение медными и серебряными деньгами, которые, как считают калмыки, также охраняют от злых духов...» [Бакаева, Гучинова 1988: 101]. «Люди, проделывающие этот горестный путь, особенно зимой, сочувственно погружаются в состояние медитативного неспешного шага, одновременно прилагая усилия, сопротивляясь встречному степному ветру, синхронно достигают общего состояния скорби» [Сангаджиева 2020: 308]. Обратный ход поминального шествия совершается противосолонь, сохраняя порядок движения колонны. Тем самым кумулятивная составляющая траурного митинга как современной формы, включающей символические действия похоронно-поминального обряда, встроенного в систему коллективных действий, осуществляется через «эффект пути», образывая структуру, в которую люди как бы вплетены.

Во-вторых, это эффект холма (материальный объект) благодаря искусственно созданному, послыной укатанному насыпному кургану. Как было отмечено выше, перед С. Е. Курнеевым стояла задача найти место для будущего памятника с естественным курганом. Однако в силу местных городских природных условий не нашлось территории с естественной земляной насыпью. Поэтому для достижения единой связи с ландшафтом города и замысла самого скульптора «в основу стратегической идеи архитектурной части как идеи проекта был положен принцип создания нового материального географического объекта — искусственно созданного кургана. Техническая и подготовительная работа над монументом продолжалась два года» [Сангаджиева 2020: 308]. В том, что естественные курганы, по данным археологических исследований, в большинстве своем в калмыцкой степи являются разновидностью погребального комплекса («досыпка над могилой»), никакого сомнения быть не может. Искусственный холм, по замыслу калмыцкого архитектора, как аналогия погребального комплекса указывает на сходство с древним обрядом поминовения. Путь вокруг холма по узкой дорожке также символизирует путь депортированных калмыков в Сибирь и — калмыцких солдат и сержантов, снятых с фронтов — в Широклаг: путь, который обрел в монументе «Ис-

ход и возвращение» материальное воплощение как дорога траура и скорби.

Отдельно следует сказать о религиозной составляющей на месте коммеморации. Так, буддийские священнослужители ежегодно во время проведения траурного митинга читают поминальные молитвы. «Драматическое впечатление от увиденного усиливается благодаря звучащим из репродукторов в этот день звукам поминальных буддийских молитв — мантр, пронзительно печальным мелодиям народных калмыцких песен, созданных во время депортации. В этот момент происходит единение народа, каждый пришедший к этому месту вспоминает своих родных — тех, кто умер в Сибири, поэтому у основания памятника заложена капсула с землей из мест, где жили ссыльные калмыки» [Сангаджиева 2020: 309].

Особенностью обрядности на мемориале является зажигание свечей и лампадок. Отметим, что данная практика является типичной для коммеморативных действий в разных странах и населенных пунктах. Так, на Красной площади в г. Москве 18 ноября 2012 г. (во Всемирный день памяти жертв ДТП) в память о всех погибших в ДТП были зажжены лампадки⁷.

В дополнение к собственно поминальным обрядам у памятника в день 28 декабря также реализуются практики, совершаемые во время общероссийских акций и праздников. Так, некоторые участники траурного митинга приносят портреты своих родственников — депортированных калмыков, не вернувшихся из мест сибирской ссылки. Данный обычай свидетельствует о том, что репрезентация прошлого конструируется и разделяется как на групповом, так и на индивидуальном уровне.

Еще одним примером использования политики памяти в городском ландшафте является проведение медиапроектов и музыкально-театральных постановок. Так, к 75-летию депортации калмыцкого народа на территории мемориала «Исход и возвращение»

---

⁷Зажигание лампадок на Красной площади по погибшим [электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=as9IFhT4vWU> (дата обращения: 04.08.2021).

состоялся премьерный показ музыкального спектакля «Калмычка» (автор — заслуженный деятель искусств Республики Калмыкия А. Н. Манджиев). В центре сюжета — история переплетения судеб двух простых женщин — сибирячки Пелагеи и калмычки Намсы, как символа дружбы между калмыцким и русским народами. В создании масштабного музыкального проекта участвовали Государственный хор Республики Калмыкия им. А. Цебекова, Государственный симфонический оркестр Республики Калмыкия, артисты Национального ордена «Знак Почета» драматического театра имени Б. Басангова, Республиканского русского театра драмы и комедии РК, ансамблей «Тюльпанчик», «Джангар», «Эрдем», а также воспитанники Детской школы искусств № 1. Сольные партии исполнили Анастасия Ильященко (Пелагея), Эвелина Лиджиева (Намса), солист Северо-Кавказской государственной филармонии имени В. И. Сафонова Михаил Ходжигиров (Старик), Лиджи Доржинов (муж Намсы), заслуженный артист РК Александр Талицкий (Председатель), заслуженный артист РК Владислав Арутюнов (Учетчик). Подобные явления, как отмечает Э.-Б. М. Гучинова, «выступая театрализованными акциями, влияют на нарратив о депортации калмыков» [Гучинова 2021: 119].

Мемориал как общественное пространство

Мемориал регулярно посещается и стал зоной культурного досуга. Посещаемость мемориала «Исход и возвращение» растет из года в год и не зависит от того, как давно произошли трагические декабрьские события 1943 г., — они оставили свой след в каждой калмыцкой семье, и мемориал посещается регулярно. Мемориал привлекает внимание туристов и местных жителей, его посетители приходят как в одиночку, так и группами. В этой связи можно сделать вывод, что посещение мемориала обусловлено как потребностями людей, так и их досуговым поведением.

Мемориалы жертвам репрессий 1930-х гг. и депортаций в России

Сегодня в России на местах массовых расстрелов, на территории бывших лагерных пунктов и в поселках спецпереселен-

цев установлены сотни монументов, обелисков, стел, закладных камней, памятных знаков, крестов и мемориальных досок, связанных с историей репрессий и памятью об их жертвах. Как пишет Д. В. Громов, «практики создания стихийных мемориалов возникли в целом сравнительно недавно, но получили широкое распространение <...>. Издревле существовал обычай создавать ритуальные локусы на дорогах, в частности, отмечать памятниками места гибели; во второй половине XX в. (примерно в 1960-е гг.) получили широкое распространение придорожные кенотафы <...>⁸. Первые мемориалы, связанные со значимыми общественными событиями — прощание с Владимиром Высоцким около Театра на Таганке (1980 г.), поминание Виктора Цоя (1990 г.), защитников Белого Дома в 1991 и 1993 гг. В последние два десятилетия мемориалы создавались в связи с терактами, убийствами, природными и техногенными катастрофами <...> Об аналогичных практиках за рубежом см., напр.: (Santino 2011⁹). Мемориалы создаются в память и частных лиц (например, жертв автомобильных аварий), и общественно значимых событий. В настоящее время это привычная практика, современная традиция» [Громов 2016: 55].

Приведем несколько таких случаев, когда происходило развитие мемориальных пространств, посвященных жертвам политических репрессий. При сравнении этих разрозненных случаев с описанным выше монументом «Исход и возвращение» общие закономерности спонтанного политического увековечивания становятся более заметными. Среди них:

– Мемориал «Маска Скорби» в Магадане. Открыт 12 июня 1996 г. Авторы: Эрнст Неизвестный и Камиль Казаев.

– Памятник «Жертвам политических репрессий» в Санкт-Петербурге (расположен напротив тюрьмы «Кресты» на набережной Робеспьера). Открыт 28 апреля 1995 г. Автор проекта — скульптор Михаил Шемякин. Изваяния в виде двух бронзовых сфинксов были отлиты в США и подарены автором городу.

⁸ Здесь у автора ссылка на: [Соколова, Юдкина 2012: 139].

⁹ Речь идет о книге Дж. Сантино [Santino 2011].

– Мемориально-музейный комплекс памяти депортированных народов в с. Насыр-Корт (Ингушетия). Открыт 23 февраля 1997 г. Автор проекта: Мурад Полонкоев.

– Барельеф «Расстрел с ангелом-хранителем» в урочище Сандармох в Карелии. Открыт 22 августа 1998 г. (с 2006 г. на реконструкции) на территории мемориального кладбища. Авторы: Григорий Салтуп и Николай Овчинников.

– Мемориальный комплекс «Катынь» в Смоленской области. Открыт 28 июля 2000 г. Объединяет польское военное кладбище и захоронения советских граждан — жертв политических репрессий. Авторы проекта польской части: скульпторы Здислав Пидак, Анджея Сольга, Веслав и Яцек Сынакевичи. Российскую часть проектировали в творческой мастерской номер 4 Союза архитекторов России под руководством Михаила Хазанова.

– «Памятник жертвам политических репрессий» в Уфе (Башкортостан). Установлен 23 декабря 2000 г. Авторы: Юрий Солдатов и Леонид Дубинский.

– Мемориальный комплекс «Медное» в Тверской области. Открыт 2 сентября 2000 г. Там захоронены польские военнопленные, расстрелянные в 1940 г., и советские граждане (жертвы репрессий 1937–1938 гг.). Проект российской части Мемориала выполнен мастерской номер 4 Союза архитекторов РФ под руководством Михаила Хазанова, главный архитектор — Никита Шангин. Авторы концепции польского кладбища: творческая группа под руководством скульпторов Здислава Пидека и Анджея Сольги.

– Поклонный крест на территории бывшего Бутовского полигона (одного из мест проведения массовых расстрелов; близ дер. Дрожжино Ленинского района Московской области). Установлен 7 августа 2007 г. на фундаменте из камней с Соловецких островов и элементов разрушенных прежде православных храмов.

Еще одним ярким примером актуализации исторической памяти может служить медиа-проект «Последний адрес», имеющий своей целью увековечение памяти наших соотечественников, ставших жертвами политических репрессий и государственного произвола в годы советской власти. В рамках проекта «Послед-

ний адрес» установлено в общей сложности более 1 100 знаков. Таблички есть уже в 59 городах и селах страны, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, Перми, Екатеринбурге, Томске, Красноярске, Орле, Барнауле, Таганроге, Туле, Махачкале, Буйнакске, в нескольких подмосковных городах, нескольких селах Нижегородской области, Коми-Пермяцкого АО, Пермского края, Калужской, Владимирской, Псковской, Иркутской и Белгородской областей, Алтайского края, Республики Чувашия. Согласно данным официального сайта, фондом «Последний адрес» получено и зарегистрировано уже более 2 460 заявок на установку мемориальных табличек в различных городах России. Инициативные группы работают в Костроме, Челябинске, Казани, десятках других городов. С июля 2019 г. проект «Последний адрес» является действительным членом «Международной коалиции мест памяти» (International Coalition of Sites of Conscience).

Таким образом, рассмотренные выше мемориальные формы и практики представляют собой единую систему коллективных памятных действий. Процесс их развития отражает политические и социальные последствия постсоветских трансформаций, имеющие место на региональном и локальном уровне в Республике Калмыкия. Среди них можно назвать урбанизацию населения, мероприятия по формированию общегражданской идентичности и сохранения исторической памяти. Политика памяти была связана и с процессом устройства мемориала, который шел одновременно с активным изменением городской среды с целью обретения столицей Калмыкии г. Элистой своего индивидуального архитектурного стиля. Базой для мемориала стал свободный участок в восточном жилом районе по ул. им. Н. С. Хрущева, организованный в непосредственной близости от природной экозоны степи. Подход скульптора Э. Неизвестного и архитектора С. Е. Курнеева к художественному исполнению монумента стал весьма необычным для середины 1990-х гг. В архитектурной части это имело особенность в виде искусственно созданного, послойно укатанного насыпного кургана.

Выводы

Анализ обрядовых действий на мемориале «Исход и возвращение» показывает, что практики, связанные с поминовением жертв депортации калмыцкого народа, характеризуются использованием форм, восходящих к традиционным поминальным обрядам. Для поминальных действий характерны две структурно-функциональные схемы («эффект пути» и «эффект холма»). С одной стороны, данные структурно-функциональные схемы указывают на приобретенные коллективные установки по поводу прошлого — памяти о депортации (репрезентации своего прошлого), с другой стороны — поминальные действия указывают на устойчивость элементов традиционной модели похоронно-поминального комплекса калмыков (в смысле унаследованной традиции), поскольку элементы обрядовой практики и поведение людей во время траурного митинга есть выражение глубочайшей скорби и единения. Все это приводит к выводу о том, что в современной городской жизни калмыков мемориальные и обрядовые практики являются значимым культурно-символическим аспектом меморизации, а связанная с ними практика поминовения жертв депортации калмыцкого народа встраивается в систему коллективных действий и воспринимается горожанами как часть калмыцкой традиции, отражая при этом характерную для калмыков этническую и религиозную принадлежность.

Источники

Закон 2004 — Закон Республики Калмыкия от 13 октября 2004 года № 156-III-3 «О праздничных и памятных днях в Республике Калмыкия» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/802017913> (дата обращения: 01.02.2021).

Литература

Бакаева, Гучинова 1988 — *Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М.* Погребальный обряд у калмыков // Советская этнография. 1988. № 4. С. 98–110.
Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 158 с.

- Громов 2016 — *Громов Д.* Немцов мост: поминальные практики в публичном пространстве // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 52–66.
- Гучинова 2013 — *Гучинова Э.-Б. М.* Элиста: национальные символы в пространстве города // Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 43–46.
- Гучинова 2021 — *Гучинова Э.-Б. М.* Представляя депортацию калмыков: от Поездов памяти к медиапроектам // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 117–135.
- Зукин 2018 — *Зукин Ш.* Культуры городов. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
- Микроурбанизм 2014 — Микроурбанизм. Город в деталях / сб. статей; отв. ред. О. Бредникова, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 352 с.
- Сангаджиева 2020 — *Сангаджиева Д. В.* Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте — память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. 2020. № 1 (16). С. 306–318 [электронный ресурс] // URL: <https://readymag.com/u50070366/1745169/34> / (дата обращения: 22.11.2021).
- Соколова, Юдкина 2012 — *Соколова А. Д., Юдкина А. Б.* Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150–164.
- Нора 2005 — *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. [электронный ресурс] // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/noga22.html> (дата обращения: 22.11.2021).
- Нора 1999 — *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Нора и др. 1999 — *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М.* Франция-память / пер. с франц. яз. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 1999. 328 с.
- Santino 2011 — *Santino J.* Between Commemoration and Social Activism: Spontaneous Shrines, Grassroot Memorialization and the Public Ritual-esque in Derry // Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death / ed. by P. J. Margry, C. Sánchez-Carretero. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. Pp. 97–107.